

Методология и источниковедение

П. М. Немирович-Данченко

Ментальный нарратив исторического исследования: опыт анализа

Менталитет – это модусы мышления и поведения людей, определяемые их принадлежностью к той или иной социальной группе. Сами по себе эти модусы никак не структурированы, это, скорее, некое ментальное поле, единое социальное бессознательное, отраженное в каждом конкретном человеке. Однако менталитет проявляется во внешнем мире выборочно, «пятнами» или «всплесками», в ответ на некое событие. Именно эти ментальные «всплески» и могут быть верифицированы, определены и структурированы исследователем, как концепты, парадигмы, культурные коды, верования и т. п.

В настоящее время можно выделить два основных направления в изучении менталитета. Для первого из них, которое продолжает традицию «Школы Анналов», обращение к проблеме менталитета, мировидения человека – это способ, метод изучения общественных и цивилизационных структур, исторического процесса в целом. Другое направление сосредоточилось на изучении собственно менталитета конкретной эпохи. В рамках этого направления исследуются многочисленные ментальные аспекты – такие, как отношение к жизни и смерти, любви и браку и т. п.

В данной работе нами будет предложен подход к изучению ментальности, основные положения которого были описаны в нескольких статьях А. Я. Гуревича¹. Этот подход можно отнести ко второму из перечисленных выше направлений исследования менталитета, но с некоторыми интересными новациями.

В настоящее время в западной и отечественной историографии все более распространенной становится гипотеза о том, что историк не столько изучает прошлое, сколько воссоздает его. «Человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его. Он исходит из настоящего и только сквозь его призму познает и истолковывает прошлое»².

Гуревич сформулировал эту проблему несколько тоньше: «Несомненно, историк живет в обществе и испытывает его воздействие, и в этом смысле его суждения не могут быть абстрагированы от умонастроений, движений мысли,

¹ Гуревич А. Я. Территория историка // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 5–21; *Он же*. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 6–21.

² Фев Л. Бои за историю. М., 1991. С. 23.

характерных для его среды... Когда говорят, что историк создает свой собственный предмет, то в этом есть определенный смысл. На мой взгляд, смысл этот заключается в том, что историк формулирует проблему своего исследования. В основе всякого научного изыскания всегда лежит некий человеческий интерес. И, поэтому, естественно, что историк вопрошает прошлое от имени современности»¹.

Таким образом, картина мира историка, его ментальность, несомненно, влияют на тот образ прошлого, которое он рисует сначала в своем воображении, а затем переносит на бумагу. Описывая людей прошлого, их нравы и обычаи, их образ мыслей, историк под влиянием своего собственного культурного окружения невольно осовременивает их, вносит определенные искажения в «пространство истории», субъективизирует его.

Нам не дано увидеть прошлое таким, каким оно было на самом деле. Все наши знания и представления о нем изначально, по природе своей субъективны. Но степень искажения прошлого может варьироваться от полной и сознательной фальсификации, до незначительных погрешностей, вызванных несовершенством инструментария исследователя. Все вышеперечисленное – это, действительно, одна из серьезнейших проблем исторической науки. Ряд современных историков-постмодернистов (Н. Кантор, Х. Уайт, Д. Лакарпа) утверждают, что в силу своей крайней субъективности история вообще не может считаться наукой. В работе Н. Кантора «Изобретая Средневековье» утверждается, например, что социально-политические и психологические свойства историка всецело определяют его интерпретацию той или иной проблемы Средневековья².

Мы не будем сейчас подробно рассматривать все аргументы «за» и «против», а сосредоточимся на той, на наш взгляд, бесценной научной перспективе, которая открывается перед нами именно из-за вышеупомянутой субъективности процесса исторического познания.

Представляется несомненным, что менталитет детерминирует и научное познание, в особенности – познание историческое. Ни один историк не может быть беспристрастен по отношению к прошлому, его менталитет постоянно вступает во взаимодействие (а нередко и в противоречие) с историческими фактами и событиями. Следовательно, каждый исторический труд содержит в себе определенный ментальный нарратив, то есть так или иначе верифицируемые в тексте проявления менталитета автора, которые встраиваются в цепочку повествования, причем независимо от воли самого автора.

Итак, с одной стороны, рассматриваемый нами, пока еще вполне абстрактный историк, исследует некие аспекты прошлого, описывая, в том числе, и менталитет людей того времени. С другой стороны, в его интерпретации этого менталитета, мы можем «прочсть» особенности его собственного мышления и менталитета, а следовательно, и менталитета его эпохи. Подобный алгоритм можно условно назвать «двойным зеркалом». «Зеркалом» в данном случае является произведение историка, в котором, с одной стороны, отражается менталитет его времени,

¹ Гуревич А. Я. Территория историка. С. 6.

² Cantor N. F. *Inventing the Middle Ages*. N. Y., 1991.

а с другой – менталитет прошлого, которое он изучает. «Двойное зеркало» историка можно считать развитием идеи Гуревича о «хронотопе», или «хронотопосе», – пространственно-временном континууме исторического исследования, который является одновременно и методом и объектом изучения историка. Новизна нашего подхода заключается в анализе именно ментальной составляющей хронотопоса.

Методологическую ценность подобного алгоритма можно охарактеризовать следующим образом.

1. Диалог культур, неизбежно возникающий на страницах любого исторического исследования, позволяет лучше понять как культуру прошлого, которое изучает историк, так и культуру его настоящего.
2. Несколько сузив проблемное поле, то же самое мы можем сказать о менталитете историка и объектов его когнитивного интереса: «отражаясь» друг в друге, эти менталитеты позволяют лучше понять их.
3. Такой подход позволяет проследить эволюцию определенных ментальных установок того или иного общества, расчленив менталитет на слои, в определенном хронологическом порядке – от наиболее древних к относительно молодым.
4. Еще одно преимущество «двойного зеркала» в том, что мы можем попытаться понять, как живет и развивается тот пространственно-временной континуум, который называется «историческим исследованием», каковы его особенности, возможности и ограничения.

Таким образом, данный метод позволит нам осуществить протяженно-локальный анализ ментальности того или иного народа. Он назван так потому, что в сознании историка, на страницах его трудов протяженный во времени ментальный континуум преломляется, перерабатывается в локальный менталитет самого автора. И, наоборот, ментальные установки историка влияют на отражение в его хронотопосе менталитета людей прошлого. В результате менталитет общества предстанет перед нами, с одной стороны, как нечто живое, постоянно меняющееся, и с другой – как совокупность неких базовых установок и мировоззренческих парадигм, которые составляют «костяк», основу умственной деятельности людей.

Необходимо отметить, что все вышеперечисленные достоинства особенно ярко проявляются в том случае, если наш гипотетический историк описывает прошлое того общества, к которому принадлежит он сам. Чем ближе и «роднее» историку народ, прошлое которого он изучает, тем более ярко и выпукло проявляется на страницах исследования его собственный менталитет, тем более отчетливо мы видим эволюцию менталитета национального – этого массива убеждений, верований и суждений, протянувшегося из прошлого в будущее.

Для анализа нами было выбрано сравнительно малоизвестная работа русского историка первой половины XIX в. Полевого Н. А. «История русского народа» (1829–1833 гг.)¹. Эта книга интересна прежде всего тем,

¹ Полевой Н. А. История русского народа: В 3 т. М., 1997.

что: а) представляет собой первую попытку философского осмысления русской истории, осмысления роли русской истории в мировом историческом процессе; б) ее центральным тезисом, отраженным и в названии работы, стало понимание народа как основного двигателя исторического прогресса, как главного субъекта истории.

В рамках данной статьи мы рассмотрим два аспекта «Истории...»: описание Полевым взаимоотношений в системах «народ – власть» и «народ – религия». Но вначале коротко отметим две основные тенденции европейской исторической мысли первой трети XIX в., оказавшие важнейшее влияние на Н. А. Полевого.

Во-первых, историческая наука в XIX в., как и европейская культура в целом, переживала эпоху романтизма. Вот как описывал этот любопытный период Милюков: «Таким образом, не история законодательства или государственного управления будет теперь занимать историка, а история бессознательных, стихийных народных процессов»¹. Работа Полевого в этом отношении находилась в «фарватере» общеевропейской тенденции. Он стремился написать именно историю народа, историю, которая бы раскрывала особенности «народного характера» как основной движущей силы исторического процесса. Не всегда удачные, эти попытки Полевого, тем не менее, заслуживают, на наш взгляд, самого пристального внимания, поскольку делают его работу идеальным объектом для предложенного выше метода анализа хронотопоса.

Во-вторых, в трудах ряда европейских историков того времени (прежде всего, следует упомянуть Б.-Г. Нибура²) начало развиваться направление, которое принято называть «скептическим». «Ученый скептицизм возник в европейской исторической науке еще в XVIII в. на основе рационалистического понимания исторического процесса и новых подходов в источниковедческой критике античных источников. Это было научное направление, противоположное догматической философии и отрицающее либо возможность всякого познания (абсолютный скептицизм), либо возможность адекватного действительности познания (относительный скептицизм). Возникнув в Древней Греции (софисты), в новой философии скептицизм возродился в философских трудах Монтеня, Бейля, Юма, Канта в относительной составляющей и постепенно воспринимался исторической наукой»³. Сущность скептического подхода в истории – скрупулезный анализ источников, отделение легендарных преданий от достоверных фактов. Попытки подобного анализа были предприняты Полевым в «Истории русского народа» и составляют, пожалуй, самые яркие страницы этого сочинения.

Кроме того, существенное «антивлияние» на Полевого оказал Н. М. Карамзин и его «История Государства Российского», а также, как ни странно, отечествен-

¹ Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 229.

² См.: Niebuhr B. G. Historische und philologische Vorträge an der Universität zu Bonn gehalten von Niebuhr B. G.: Römische Geschichte bis zum Untergang des abendlandischen Reichs / Herausgegeben von M. Isler, Dr. Berlin. Druck und Verlag von G. Reimer. 1846.

³ См.: Умбрашко К. Б. Б. Г. Нибура в творчестве Н. А. Полевого и «скептической школы» // История и историки. 2003. С. 245–263.

ная «скептическая» школа во главе с М. Т. Каченовским. Николай Алексеевич задумывал свой труд как антитезу взглядам Карамзина на историю России. Уже в самом названии книги он начал с Карамзиным заочную полемику, доказывая, что единственная история, которой стоит заниматься, – это история народа, но не государства и государей; более подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующем разделе. Что же касается «скептиков», то они немедленно после выхода в свет первого тома «Истории русского народа» обрушились на него с критикой¹, которая во многом объяснялась тем, что Полевой, тщательно анализируя древнейшие письменные памятники Руси («Русскую Правду», «Повесть временных лет» и пр.) и находя в них ошибки и неточности, тем не менее, признавал их в целом вполне подлинными и аутентичными, объективными историческими источниками. «Скептики» же, напротив, все источники вплоть до XII–XIII вв. объявляли «баснословными», лишенными достоверности. Таким образом, Полевой, пытаясь «нащупать» свой путь в постижении истории России, не склонялся целиком ни к сторонникам Карамзина, ни к «скептикам», ни к западникам, ни к славянофилам, что в конечном счете сделало его труд объектом всеобщих нападок и привело к его быстрому забвению.

Народ и власть

Эта тема осью, центральным нервом проходит сквозь повествование Полевого, в особенности на страницах первого тома «Истории...». Именно в соотношении этих двух основных начал русской истории Николай Алексеевич усматривает основные особенности ее развития.

Необходимо отметить, что вопрос о возникновении и развитии государственности на Руси для современников Полевого был дискуссионным и в значительной степени политизированным. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что основных версий было две: *норманнская* и *славянская*. Очень коротко их можно охарактеризовать так: норманисты полагали, что государство на Руси возникло исключительно благодаря варягам, которые заложили его основу и придали славянским народам «импульс развития». Сторонники славянской теории считали, что варяги пришли «на готовое», что у славян сложилась самостоятельная государственность, к которой пришельцы не имели никакого отношения. Полевой придерживался «серединной» точки зрения. Он полагал, что и славяне и пришельцы-варяги находились примерно на одной ступени развития: никакого четко выраженного государственного строя ни у тех, ни у других не было. Более того, Полевой доказывал, что и с момента прихода варягов государство, как таковое, еще не сложилось. «Большая ошибка будет, если мы вообразим себе начало этого нового государства началом гражданского порядка, стройного гражданского общества; если мы по нынешним понятиям нашим составим себе понятие о бытии предков наших за девять столетий (до нас – П. Н.-Д.)»².

¹ Умбрашко К. Б. Б. Г. Нибур в творчестве Н. А. Полевого... С. 255.

² Полевой Н. А. История русского народа: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 32.

Николай Алексеевич, как мы уже упоминали, хотел «написать историю народа, а не государей». Но уже вторую главу первого тома «Истории...» он начинает так: «Рюрик оставил малолетнего сына Игоря и передал княжество свое Олегу, товарищу, может быть, родственнику своему. Не можем согласиться с теми, кто видит в Олеге только опекуна Игорева... можем полагать, что Олег принял вполне наследие Рюрика и был до самой смерти своей князем самовластным»¹.

Н. А. Полевой фактически следует в изложении материала за главным своим оппонентом – Карамзиным. Точно так же основную канву его повествования составляют деяния князей, государей и полководцев. Только, в отличие от Карамзина, Полевой пытается если и не всякий раз, то довольно часто найти действиям власть предрежащих объяснения в «общем ходе истории», вписать их в историческую канву, придать им *внешнюю* и *внутреннюю* целесообразность. Вот, например, описание начала княжения Игоря, сына Олега: «Игорь, слабый, сидевший в Киеве, не водил сам дружин своих на брань... Человек слабый попадает под власть других, сильнее его характером; властитель слабый всего скорее повинуется воле вельмож своих и женщин. Игоря окружали варяги, мужественные, сильные властью; мы знаем Ольгу, супругу его, и предполагаем, что могла делать она при жизни Игоря»².

Теперь более подробно рассмотрим описание Полевым взаимоотношений между народом и властью. Вот что пишет Полевой о начале правления Рюрика: «Главный князь должен был требовать их (младших князей. – П. Н.-Д.) совета при сборе на войну и давать им часть приобретенной добычи; договоры заключались от имени великого князя и удельных князей. Впрочем, молчание летописей (о Рюрике. – П. Н.-Д.) объясняется образом правления, основанного на скандинавских понятиях о слабости главного князя над другими князьями, еще более крепкими в уделах своих отдаленностью городов, в которых они княжили»³.

Автор описывает классическую феодальную систему, при которой власть центрального правителя над вассалами весьма условна. Никакой речи о самодержавии здесь Полевой не ведет и даже не находит ни малейших его начал. Но вот что он пишет через несколько десятков страниц (эпоха княжения Игоря): «Сношения с Грецией ознакомили руссов с верой, законами и государственными постановлениями Греции. Здесь руссы хорошо узнали новый, неизвестный им дотоле образ правления, лстивший честолюбию владетеля и гражданам дававший более уверенности в благоденствии, нежели феодальная, военная система варягов. Власть, соединенная в особе одного государя, у коего все жители послушных ему областей подданные, а не участники в правлении, не раздробители его гражданского и военного могущества, возвышала славян, уничтожала аристократию варягов и уравнивала дружины княжеские с другими гражданами. Взаимная польза стремилась, следовательно, к одной цели и властителя, и народ»⁴.

¹ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 102.

² Там же. С. 115

³ Там же. С. 97

⁴ Там же. С. 118.

Здесь есть несколько очень важных моментов. Во-первых, Полевой прямо указывает, что идея о самодержавии, ничем не ограниченной власти одного государя, пришла на Русь из Греции, причем вместе с православным учением. Православие и самодержавие, таким образом, у Полевого тесно взаимосвязаны и являются духовным наследием, «даром» Византии, который русские с благоговением и благодарностью приняли. Во-вторых, идея самодержавия рассматривается Полевым в контексте «пользы», то есть закономерного события, которое устраивало все «заинтересованные стороны». И в-третьих, в тексте проскальзывает (правда, в завуалированном виде) негативное отношение историка к другим формам управления государством: «...его подданные, а не участники в управлении, не раздробители его гражданского и военного могущества...». Николай Алексеевич вообще довольно много пишет о недостатках феодальной системы и о достоинствах самодержавной. В каком-то смысле с ним нельзя не согласиться: феодализм, действительно, не способствует укреплению государства, и с какого-то момента начинает тормозить его развитие.

Однако вернемся к князьям. «Аристократизм существовал только в отношении к народу: перед лицом князя все сливалось в одно звание: рабов. Его первый чиновник и последний смерд были перед ним равны... Видя пороки его, народ говорил, что Бог посылает плохих властителей за грехи народа, и только бунт народный раздирает очарованную завесу княжеской власти. От всех этих обстоятельств происходило важное неудобство для неограниченной власти князей: при первой неудаче владетеля неприятель, завладев городом князя, заставлял народ присягать себе и становился в глазах подданных законным государем»¹.

В целом, можно сказать, что хронотопос Полевого – это пространство власти, точнее, пространство владык. Не считая первых двух глав, вся остальная «История...» – это описание политической борьбы внутри правящей феодальной верхушки. Власть для Полевого предельно персонифицирована. В данном случае ментальный поток, идущий от автора, очень хорошо совпадает с тем, что идет из прошлого, со страниц летописей: большую их часть также составляют описания княжеских деяний. Не подлежит сомнению, что подобное отношение к власти – очень древняя и очень «мощная», действенная ментальная составляющая. Нет смысла приводить здесь многочисленные примеры, подтверждающие этот тезис: отечественная история ими весьма богата.

Как мы уже говорили, автор «Истории...» постоянно (особенно в первых двух главах) подчеркивает свое стремление написать «историю народа», необходимость «переселиться в прошлое, узнать своих предков, думать их мыслям, говорить их языком». У Николая Алексеевича действительно есть свежие и интересные мысли о судьбах народов, развитии и угасании этносов, исторических закономерностях, о формировании «народного характера», наконец. Но, начиная со второй книги, историк, словно загнипнотизированный, следует за исторической схемой Карамзина – своего главнейшего оппонента!

¹ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 83.

Он с какой-то поистине детской наивностью разрушает главную мысль, высказанную даже в самом заглавии его труда. При этом Полевой зачастую противоречит сам себе буквально на соседних страницах. Мы уже приводили несколько таких примеров – приведем еще один: «Думаю, что изъяснение подобных мест (речь идет о реакции людей прошлого на разнообразные события. – П. Н.-Д.), где видны понятия, дух мнения древних руссов, важнее исследований о годе смерти какого-нибудь маленького и ничего не сделавшего Изяславича, Давидовича, Борисовича»¹.

Действительно, блестящая формулировка: остается только, чтобы автор сам следовал ей; а вот этого мы, к сожалению, не наблюдаем. Наблюдаем мы совершенно обратное: десятки, если не сотни страниц, покрытые описаниями тех самых Изяславичей и Борисовичей. Недостаток источниковой базы? Да, но не только.

Полевой много пишет о вечевой демократии в Новгороде, Пскове и ряде других городов, причем пишет с интересом и отзывается об этом народовластии вполне положительно. Об уничтожении древних порядков в этих городах Николай Алексеевич рассказывает с особым сочувствием, хотя и не делает никаких выводов. Впрочем, и новгородцы, и псковитяне на страницах «Истории...» занимаются тем, что непрерывно выбирают и переизбирают себе князей, ссорятся и мирятся с ними. «...Но как объяснить ту покорность, какую оказывали Князьям Новгородцы на словах и на письме? Духом времени, понятиями людей о предметах, различными в разные времена. Афинянин, раб какого-нибудь хитрого Перикла, называл себя свободным, а вольный Новгород, ограничив власть Князя... кланялся ему и скреплял постановление именем Князя»².

Итак, в хронотопсе «Истории...» мы видим очередной ментальный парадокс: с одной стороны, желание написать историю народа, а с другой – постоянное заострение внимания на князьях, полное преобладание политической истории аристократии над историей повседневности простых людей.

Обратим внимание вот на что. Николай Алексеевич был по воспитанию и убеждениям либералом и западником, во всяком случае во время написания «Истории русского народа»; впоследствии он перешел на консервативно-монархические позиции. Систему абсолютной власти великого князя Московского, которая складывалась на Руси после монгольского нашествия, он критикует, если и не часто, то вполне определенно; о древнерусских республиках (Новгородской, Псковской) Полевой отзываться вполне сочувственно и сравнивает эти вольные города с таковыми в Западной Европе. Но при этом он не видит ни малейшей исторической альтернативы самодержавию, абсолютной власти московского государя.

Народ и религия

Нет никаких сомнений в том, что религия оказывала и оказывает колоссальное влияние на мышление и поведение людей. Нет никаких сомнений в том, что люди

¹ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 143.

² Там же. С. 203.

Средневековья были не просто религиозными, не просто верующими – они не могли помыслить себя вне рамок какой-либо конфессии. Религия пронизывала их жизнь, сопровождала их от рождения и до смерти. Казалось бы, ни для каких других духовных, мыслительных, психологических оснований места уже не остается. Зачем множить сущности без необходимости и присоединять к религии, к вере ментальность? Нужна ли эта дефиниция для анализа общества того времени?

Да, поскольку менталитет по сравнению с религией гораздо более вариативен в рамках одной социальной или этнической общности. Доказать этот тезис очень легко. Мы уже рассуждали о том, что каждая более или менее значительная социальная группа, не говоря уже об этносе или цивилизации, обладает своей собственной ментальностью, которая отличает ее от остальных и позволяет людям, входящим в эту общность, ощущать свое единство и противопоставлять себя остальному миру по принципу «мы – не мы». Мы можем, например, с полной уверенностью говорить о менталитете горожан и менталитете крестьян, как о разных явлениях, и при этом и горожане и крестьяне будут принадлежать к одной и той же общности христиан.

Итак, вернемся к «Истории русского народа». Сразу же следует отметить, что Полевой был глубоко верующим человеком и роли христианства в истории человечества придавал огромное, нередко мистическое значение (напомним еще раз, что исторический процесс у Полевого глубоко телеологичен и божественно предопределен). «Трудно исчислить все заблуждения и превратные, кривые толки, коим подвергалась святая христианская вера; трудно изъяснить, до какой нелепости доходил ум человеческий, теряясь во глубине истин ее! Но как святой залог Божества человеку, непоколебимостью среди заблуждений, она доказывает нам свое божественное начало»¹.

Но восторженный панегирик затем сменяется вполне трезвым анализом. Мы уже описывали в предыдущих разделах эту характерную особенность хронотопса Полевого – дуальность, противоречивость. Впрочем, в описании православной религии и сопутствующих ей обстоятельств Полевой, как правило, вполне объективен; его анализ начала церковной власти на Руси (в первой и второй главах второй книги) довольно интересен и отнюдь не так идеологизирован, как может показаться вначале. «Священник сделался судьей страшным в глазах каждого, ибо Владимир отделил суду их важную часть законодательства. Суду их были предоставлены браки, разводы, прелюбодеяния, похищения и насилия девиц, волхование, колдовство, ограбление мертвецов... идолопоклонство. Таким образом, передавалась духовенству власть обширная, и доньне остались у нас в народе следы страха, какой наводил духовный суд на всех мирян... Доньне встреча с духовной особой... считается у наших простолудинов худым предвестием»².

Может быть, несколько наивный, но весьма любопытный анализ. По крайней мере, никакого «священного трепета» Полевой в данном случае не испытывает, так же, как и в следующем примере: «Удивительно быстро распространена была

¹ Полевой Н. А. История русского народа. Т.1. С. 71.

² Там же. С. 217.

вера христианская на Руси... но все это вначале могло быть только внешнее: умы и сердца долго не покорялись, повинуюсь уставам новой веры как власти гражданской. Ум человеческий по природе своей склонен к таинственности... На ее основана та наклонность к волшебству, колдовству, тайным знаниям, которые, усердно почитая наваждением враждебной божеству силы, тем не менее слабость человеческая весьма часто готова признать владычеством. Дольше простолюдны наши, истощив пособия медицины... прибегают к чародейству»¹.

Следующая важная тема – это взаимоотношения церковной и государственной власти и, шире, восприятие власти сквозь призму религиозного сознания. Пожалуй, основная особенность взаимодействия религиозных и властных институтов в Киевской Руси, которую отмечал Полевой, – изначальная и абсолютная лояльность православной церкви княжеской власти. «Высшая русская иерархия подтверждала, или лучше сказать, свидетельствовала советы, договоры, требования князей. Казалось бы, что при том легко ей было получить сильнейшее влияние на политические обстоятельства. Но кроме направления, какое дано было духовной власти греческим ее происхождением, направлением духовным, князья не допускали ее к действию на политический быт. От сего произошло, что безмерная власть над совестью и умами, при особенном понятии руссов о религии, совершенно исчезала в гражданской жизни»².

Этот тезис историка абсолютно прозрачен, и в данном случае Полевой следует за своими предшественниками (Шлецер, Карамзин). В России никогда не существовало той системы фактического двоевластия, той острой политической борьбы, которые были так характерны для взаимоотношений церкви и государства в Западной Европе.

Все эти рассуждения Полевого о религии, о церкви, рассмотренные нами, представляют собой одну часть хронотопоса «Истории...» – тот информационный и соответственно ментальный поток, который идет из прошлого. Но мы не должны забывать и о той составляющей хронотопоса, которая исходит от самого Николая Алексеевича. При рассмотрении автором религиозного аспекта истории Киевской Руси ярко проявляется его религиозность и горячая приверженность православным традициям; но в рамках темы нашей работы эта установка Полевого не представляет особого интереса. Религия, как мы уже указывали – явление слишком *общее*; для больших человеческих сообществ, для цивилизаций она является неким объединяющим модусом, но именно по этой причине она как бы «затеняет» другие проявления человеческой мысли, в том числе и ментальность.

Но есть в религиозном сознании автора «Истории...» один чрезвычайно интересный аспект, который позволяет нам связать принадлежность к определенной социальной среде, мировоззрение, проистекающее из такой принадлежности, и восприятие прошлого, продиктованное мировоззрением. Речь идет о второй и третьей главах второго тома «Истории...», которые посвящены становлению православия на Руси.

¹ Полевой Н. А. История русского народа. Т.1. С. 251.

² Там же. С. 218.

Вот что пишет Полевой о первых десятилетиях христианства: «Влекомые жаркой верой, многие не думали уже об общественной жизни, оставляли дела, семейства, шли в монастыри; другие давали обеты путешествовать в Иерусалим. Богатства церковные стали увеличиваться; ревность монашествующих умножалась»¹.

Далее, делая выводы о причинах столь сильного религиозного рвения, автор указывает: «Теперь понятно, что религия руссов была или верованием, коего чуда и мистика... горячо были принимаемы мирянами, или увлекающим душу восторгом набожности. То и другое не показывало в религии христианской кроткой руководительницы ума и сердца, как мы уже это выше заметили, небесного вождя, который не воспрещает прелестей мира и общества, не указывает на жизнь отшельника, как на высшую степень благочестия, и позволяет уму просвещаться знаниями. Ошибка понятия состояла в том, что будто по слабости только человеческой можно позволить мирское житие, а верх совершенства христианского жития долженствовало бы быть совершенное отречение от мира... и в том-то состояло противоречие общественной жизни религиозным понятиям, от чего совесть мирянина всегда была в страхе...»².

Перед нами – пример восприятия христианской религии, которое тесно связано с происхождением, с социальными корнями Полевого. Это очень интересный аспект взаимодействия двух ментальных потоков, о которых мы уже неоднократно упоминали: от истории и от историка. Автор прямо и недвусмысленно указывает, что его предки *зablуждались* в своих религиозных представлениях, говорит об ошибочности толкования ими христианского образа жизни. Сама религия осталась неизменной: изменилось ее восприятие, ее ментальное переосмысление. В сжатом, концентрированном виде эта эволюция и предстает перед нами на страницах «Истории...».

Переход от противопоставления «грязного» и «нечистного» вещественного мира и «чистого» мира религии и веры к их гармоничному сочетанию происходил на всем историко-географическом пространстве, которое мы условно называем «Западом». Если первые века христианства утверждали превосходство «духовной судьбы» человека над его «телесной судьбой», то с началом Ренессанса ситуация изменилась: духовное и телесное объявлялось единым целым, гармоничным двуединством.

Отметим еще раз, что в нашу задачу входит не доказательство тезиса о том, что мировоззрение человека начала XIX в. отличается от мировоззрения человека начала XI в. – это вполне очевидно; а исследование взаимодействия двух этих мировоззрений в виртуальном пространстве хронотопса. Это дает нам совершенно новый культурный опыт: опыт сопричастности каждой из культур. Как мы уже упоминали, Полевой воспринимает православие как данную свыше, не подлежащую осуждению *благодать*. Православие для него – основа основ русской общественной жизни. Но в то же время конкретные проявления православной веры часто критикуются Полевым, весьма метко и аргументировано. Таким образом,

¹ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 2. С. 80.

² Там же. С. 81.

хронотопос «Истории...» содержит в себе два религиозных пласта: внерациональный, имманентно-восторженный пласт *веры* и рациональный, умпостигаемый пласт *знания о вере*.

В связи с этим интересно вспомнить мысли по поводу русской ментальности, которые принадлежат Бердяеву: «Русская душевная жизнь более выражена, и выражена в своих крайних элементах, чем душевная жизнь западного человека, более закрытая и придавленная нормами цивилизации. В русской душе всегда остается неорганизованный, неупорядоченный элемент»¹.

В хронотопосе Полевого перед нами ярко, выпукло предстает борьба двух начал: европейского – рационального, основанного на скептическом анализе действительности и русского – таинственного и склонного к таинственности, загадочности, к крайностям, к жестким противопоставлениям, к стремлению расширить горизонты действительности.

Можно сделать вывод о том, что, если анализировать ментальный нарратив исторического исследования, расчлняя его на некие «пласты» взаимодействий, мы получим интересную картину напряженного, живого, эволюционирующего менталитета, причем наши когнитивные усилия будут сравнительно невелики – следует только задавать тексту нужные вопросы. Менталитет историка взаимодействует с ментальными «полями» прошедших эпох; порождаемая этим взаимодействием когнитивная напряженность позволит нам уловить суть менталитета как детерминанты мышления. Менталитет – не академический термин, а реальность – практически сам «развернется» перед нами.

¹ Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 67.